

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СВЕТОЧИ
ТЬМЫ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Корсакова, Татьяна.

К69 Светочи тьмы / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202222-7

Убийство ребенка — что может быть хуже? Как так получилось, что среди сотрудников элитной школы для одаренных детей получилось несколько человек, которые попали под влияние древней нежити и оказались способными совершить подобные злодеяния? Всё это предстоит выяснить старшему следователю Самохину, который поначалу не придавал значения жутким мистическим событиям, происходящим в роковой усадьбе Горисветово. Свечной человек, яркий факел, который вдруг зажегся на вершине Свечной башни и озарял всю округу, — бред, страшилки... Собранные факты оказались не такими уж мистическими. А когда Мирослава Мирохина, которую чуть не убили в усадьбе тринадцать лет назад, раздобыла дневник архитектора Свечной башни, мистика и страшная реальность слились воедино...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202222-7

© Корсакова Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Следователь Самохин отпустил Мирославу и Фроста только на рассвете. Отпустить отпустил, но взял обещание, что никто из них не будет покидать Горисветово без его ведома.

А в Свечную башню их больше не пустили. Мирослава порывалась вслед за Самохиным подняться на смотровую площадку, но он отмахнулся от нее, как от малого ребенка.

— Лестница в аварийном состоянии, Мирослава Сергеевна. Хватит мне и одного трупа.

Получилось резко, даже грубо, но она понимала, что это не со зла, что это такое весьма специфическое проявление заботы, поэтому не стала ни настаивать, ни обижаться.

Они с Фростом молча брели по утопающей в тумане парковой дорожке. Наверное, им нужно было поговорить, обсудить все, что с ними случилось. И этой ночью, и тринадцать лет назад. Но у Мирославы не хватило силы духа начать этот разговор. Да и что она могла сказать, если воспоминания ее до сих пор обрывочны, а чувства обострены до предела?! Мирослава понимала, что Фрост злится. Может быть, злится, а может, обижен. И это она — причина его злости и обиды. Может быть, не она нынешняя, но, вполне возможно, она прежняя. Ее хватило только на один невинный вопрос:

— Ты уедешь к себе?

Фрост ответил не сразу. Наверное, даже не расслышал того, что Мирослава сказала. Она уже решила, что не станет переспрашивать, когда Фрост заговорил:

— Я пока останусь в Горисветове. У меня здесь есть апартаменты.

— Апартаменты?..

— Комната в административном крыле. Мы с тобой соседи, Мирослава. Почти как тринадцать лет назад.

Тринадцать лет назад? Это было странно и мало походило на правду. Тринадцать лет назад была жива ее бабуля. Тринадцать лет назад она ночевала дома. Она — дома, а он — где? Как вообще он оказался в Горисветове тем летом? Это был безопасный вопрос, и Мирослава задала его:

— Откуда ты, Фрост? — Не повернулся язык назвать его Артемом. Может быть, потому, что она всего лишь догадалась, кто он такой. Догадалась, но не вспомнила. — Как ты попал в лагерь? Вот что я имею в виду.

Он точно не был деревенским. Деревенских Мирослава знала. Галу, например. А от Артема Морозова не осталось следа ни в ее памяти, ни в ее жизни.

— Из Перми. — Он усмехнулся какой-то горькой усмешкой. — У родителей тут поблизости была дача.

Мирослава знала этот дачный поселок. Именно там пару лет назад построил свой загородный дом Всеволод Мстиславович. Хорошее место, считай, элитное.

— Это было наше первое лето за городом. Я вообще-то не планировал никакого лагеря, но получилось так, что мой пермский преподаватель музыки узнал про Горисветово и составил мне протекцию. Собственно, это он уговорил Исаака Моисеевича позаниматься со мной. Вот так удачно все получилось.

Да уж, удачнее не придумаешь.

— Если ты жил с родителями на даче, то как ты мог быть моим соседом?

Спросить нужно было не это, спросить нужно было о том, что стало с его мечтой, но Мирослава не решилась. Или в глубине души уже сама все поняла про мечту? Это место убивало не только людей. Это место убивало еще и надежды. А Фрост, прежде чем ответить, посмотрел на нее долгим недоуменным взглядом, словно она спросила что-то глупое.

— Нас с тобой оставили в лагере на одну ночь, Мира, — наконец сказал он.

— Какую ночь?..

— Ту ночь, когда мы с тобой нашли в башне Леху, — сказал Фрост и ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен.

Разговор окончен, вот только Мирослава ничего не поняла. Или, вернее сказать, не вспомнила...

— Один вопрос! — Не из тех она, кто сдается так просто. — Фрост?..

Он обернулся, посмотрел на Мирославу в упор равнодушным, ничего не выражающим взглядом.

— Что было потом?

— Ты в самом деле не помнишь, Мира? — Взгляд его сделался сначала изумленным, а потом растерянным.

— Я не помню почти ничего, — отчеканила она. — Я не помню, но мне важно знать, что случилось потом.

— С кем?

Это был странный вопрос, настолько странный, что теперь растерялась уже сама Мирослава.

— Со мной. Что потом случилось со мной, Артем?

— Можешь звать меня Фростом, так будет проще.

— Хорошо. — Мирослава кивнула. — Так что случилось со мной, Фрост?

Какое-то время он просто молча смотрел на нее, а потом сказал:

— Я не знаю, Мирослава. Это был мой последний день в лагере. Родители забрали меня в Пермь.

Вот так, его забрали из лагеря, а на нее напал Свечной человек. Разошлись пути-дорожки...

Она больше ничего не стала спрашивать. Было очевидно, что ему неприятно вспоминать о случившемся тем летом. Ему было неприятно, а сама она просто не могла вспомнить. Такие дела...

Зато она могла кое-что узнать. Вот прямо сегодня, не откладывая ничего в долгий ящик! Для этого ей всего лишь нужно сделать над собой усилие, а еще нарушить обещание, данное старшему следователю Самохину.

С Фростом они расстались в коридоре.

— Где твоя комната? — спросила Мирослава, взявшись за ручку двери. Из вежливости спросила — не из любопытства. Кажется, любопытство свое она уже утолила. По крайней мере, в той части, которая касалась их общего прошлого.

— Там. — Фрост указал подбородком на соседнюю дверь.

Мирослава с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. Как так вышло, что она руководила школой и не знала, кто где живет?

— Ясно.

— Приходи в гости, если что. — Это уже Фрост сказал из вежливости.

Было очевидно, что между ними больше ничего нет. Их общее прошлое умерло вместе с Лехой этой ночью.

Мысль была такой колючей и такой болезненной, что отвечать Мирослава ничего не стала, просто молча кивнула и открыла свою дверь. Оказавшись у себя, она первым делом проверила ванную комнату. Ожидаемо, все было в идеальном порядке: никакой воды на полу, никакой ведьмы. Галлюцинации хороши уже хотя бы тем, что не оставляют после себя беспорядка. Но когда все это закончится, нужно обязательно показаться спе-

циалисту. И теперь уже не психологу, каким бы модным и дорогим он ни был, а психиатру.

Четверть часа Мирослава потратила на то, чтобы привести себя в порядок, а еще полчаса ушло на то, чтобы собраться с духом.

В последний раз она была в своем деревенском доме сразу после бабушкиных похорон. С тех пор — никогда. Не могла себя заставить. Чего боялась? Может быть, просто воспоминаний. А может быть, боли от воспоминаний. Как бы то ни было, но время пришло. Прихватив с прикроватной тумбочки ключи от машины, она вышла из комнаты.

Мирославе повезло, по дороге к стоянке она никого не встретила. Ей еще придется объясняться и с шефом, и с Лисапетой, и по поводу случившегося ночью, и по поводу утреннего бегства, но это потом, а пока ей просто жизненно необходимо побыть наедине с самой собой. К деревне быстрее и проще было бы дойти пешком по дну оврага, но Мирослава побоялась. Кажется, она никогда больше не сможет спуститься в этот чертов овраг, не сумеет себя пересилить. Поэтому машина и объездной путь!

Их дом стоял на окраине. Это была не та окраина, что примыкала к оврагу, а другая. Чтобы добраться до дома, Мирославе нужно было пересечь всю деревню. В детстве этот путь казался ей очень длинным, а деревня огромной. Взросление разрушило магию. Путь был совсем короткий, а деревня уже не впечатляла размерами.

Дом не выглядел заброшенным. Наличники были выкрашены в нарядный белый цвет, в палисаднике зацветали первые хризантемы. Дом казался живым и жилым, но это было обманчивое впечатление. Мирослава исправно платила соседям, чтобы те содержали дом в надлежащем виде: проводили косметический ремонт,

ухаживали за садом. Соседи думали, что она планирует рано или поздно дом продать, а она просто не знала, как с ним поступить, что делать с памятью о бабуле.

У нее была запасная связка ключей, поэтому тревожить соседей не пришлось. Металлическая калитка открылась без скрипа, двор был аккуратен подметен, прохуdivшиеся ступени на крыльчке заменили на новые, но так и не покрасили, и теперь они выделялись более светлым цветом. Прежде чем вставить ключ в замок, Мирослава сделала глубокий вдох. Показалось, что стоит только открыть дверь, как она услышит ворчливый бабушкин голос и почувствует запах смородинового варенья. Стоит только открыть эту дверь, как ее собьет с ног сквозняком мучительных воспоминаний. Ничего, она справится. Она и не с таким справлялась!

В свой отчий дом Мирослава вошла решительным шагом, как будто не бросила его на долгие годы. В доме ничего не изменилось, разве что яркий и вкусный запах смородинового варенья сменил едва уловимый запах пыли и полироли. Захотелось вдруг крикнуть: «Бабуля, я пришла!» И ворваться на кухню, как в детстве.

Не крикнула и не ворвалась, минуя кухню, сразу прошла в комнату, служившую им обоим одновременно и гостиной, и рабочим кабинетом, и библиотекой. На какую-то долю секунды Мирослава испугалась, что за минувшие годы библиотеку могли разграбить, а потом ей сделалось смешно. Кому сейчас нужны книги? Нет, кому-то определенно нужны, но эти люди никогда не станут вламываться в бесхозный дом.

Мирослава остановилась перед книжным шкафом, пробежалась кончиками пальцев по пыльным корешкам. За домом следили, но в шкаф не заглядывали уже давным-давно. Она не стала перебирать книги, стоящие на открытых полках, присела на корточки, распахнула дверцы нижнего яруса. Здесь, вдали от посторон-

них глаз, бабуля держала все самое ценное, все то, что должно было перейти Мирославе по наследству. Оно перешло, а она не взяла.

Здесь, на нижних полках, лежали не только книги, но и семейные фотоальбомы. Кусочки ее прошлой счастливой жизни. Не из-за них ли она не забрала себе библиотеку, не из-за этих вот бумажных свидетельств того, что когда-то давным-давно у нее была счастливая и нормальная жизнь? Тогда не забрала, а сейчас непременно заберет! Вот и сумка у нее с собой есть, специально прихватила для этих целей!

Мирослава бережно сложила альбомы в дорожную сумку, уселась перед шкафом по-турецки, как в детстве. Помимо фотоальбомов, здесь хранились ее детские рисунки, аккуратно разложенные по картонным папкам с датами. Если верить датам, рисовать она начала в три года, а закончила в тринадцать.

Дальше шли книги. Те самые книги, ради которых она и решилась на эту вылазку. Книги нужно обязательно забрать, потому что это память! Не ее, а ее рода! И этим книгам не место на нижней полке шкафа, стоящего в заброшенном доме. Мирослава найдет им более подходящее место. Непременно найдет! А пока она должна найти еще кое-что.

Это тоже был альбом. Большой альбом, обтянутый кое-где истрепавшимся и потерявшим цвет синим бархатом. Это был альбом с набросками, чертежами и рисунками. Мирослава сразу догадалась, что рисунки сделаны разными людьми. Одни были четкими, резкими, в чем-то даже небрежными, но очевидно профессиональными. Над вторыми работали с трепетом и любовью. На первых были здания, элементы каких-то статуй. На вторых — в основном пейзажи и удивительные нездешние картины. Одни рисовал кто-то опытный, но уставший от жизни, вторые — кто-то юный и верящий в чу-

деса. На первых стояла размашистая подпись, в которой отчетливо читалось «А. Берг», а вторые принадлежали какой-то Айви. Были тут и чертежи — четкие, выверенные до миллиметра, с непонятными техническими надписями. На них не было никаких подписей, но Мирослава и без того знала, кому они принадлежали. Это было ее наследие, крохотная крупица чуда, которое она по глупости едва не потеряла. Это была история ее рода в картинках, история, зародившаяся в Чернокаменске, на острове посреди озера. История, в которой было место и прекрасным принцессам с необычными звонкими, как ручеек именами, и благородным рыцарям, и даже драконам. Вот они все на одной картинке: дама, рыцарь и дракон! Вот маяк, похожий на рвущуюся к небу гигантскую змею. Наверное, из-за стен, сложенных из черного камня, издаലെка похожего на чешую. Вот светлоглазая, высокосулая девушка удивительной красоты с белыми волосами и изящным медальоном в виде серебряной ласточки. Девушка стоит на утесе, у ног ее плещутся беспокойные волны, а мечтательный взгляд ее устремлен куда-то вдаль. И все та же размашистая подпись Августа Берга, и трогательная надпись «Наша Айви». Вот такая она — девушка, которая рисовала удивительные картины и прекрасные пейзажи.

А вот молодой человек лежит на траве, подперев голову рукой и улыбается той, что решила написать его портрет. На его запястье — железный браслет, а в чертах лица угадывается что-то невероятно знакомое. Под портретом надпись «Федя».

Их много — этих портретов и набросков, их нужно изучать, с ними нужно идти в чернокаменский архив к Ивану, потому что это такой пласт, такая машина!

А пока вот он — великий и ужасный Август Берг! На первый взгляд, смешной толстяк, с редкими кудрями и нелепым шейным платком, а на второй — уже не

смешной, а грустный. На этом портрете нет подписи, но руку Айви Мирослава уже узнает безошибочно.

А пока вот два портрета одной и той же женщины, высокой, худой, в строгом черном платье и вдовьем платке. На одном портрете, который рисовала Айви, женщина сдержанно улыбается, на втором, сделанном Бергом, смотрит на зрителя строго и очень серьезно. И этот второй портрет подписан так, что все сразу становится понятно. «Моя Евдокия» — вот так ее зовут. Вот так он ее называл. А на самой последней странице — та же женщина, но уже не живая. Она «как живая», но для Мирославы очевидно, что это не человек и даже не статуя, это... надгробие. Это та память, которую позволил оставить себе Август Берг.

А дальше уже фотографии. Высокий и статный молодой мужчина, хрупкая женщина в изящном платье, маленькая девочка, невероятно похожая на Айви. На руках у женщины щекастый младенец, а у ног огромный дог. Вот и началась задокументированная ее, Мирославы, история, потому что вот этот щекастый младенец — это Федор Викторович Серов, — ее прапрадед. А высокий красавец — тот самый Виктор Серов, помощник и, надо думать, друг Августа Берга. Женщина — его жена, урожденная графиня Шумилина. А девочка... а про девочку бабушка не рассказывала. Как и про тех людей, чьи портреты всю жизнь бережно хранила в альбоме. Ничего, Мирослава все выяснит сама. Как же ей хочется все выяснить!

Оставалась последняя папка. Она не лежала с остальными, она словно специально была спрятана за кипой какой-то ненужной, даже неуместной здесь периодики. Мирослава заметила ее случайно, подцепила, вытащила на божий свет. Это была одна из тех папок, в которые бабуля складывала ее рисунки. Вот только на этой папке не было ни дат, ни надписей. Надписей не было, но содержимое точно было.

Мирослава была смелой, по крайней мере, считала себя такой, но, когда она развязывала завязки на этой безымянной папке, руки ее дрожали. И открыть ее она смогла не с первой попытки. Пришлось настраиваться, уговаривать себя, что ящик Пандоры надежно спрятан в комнате с ментальным барахлом, а здесь, в этой папке, нет ничего опасного. С уговорами и самообманом ничего не вышло, пришлось просто открыть папку...

От первого же рисунка ее сердце перестало биться. Потом оно останавливалось еще не раз, останавливалось, заставляя Мирославу почти умереть, и когда перед глазами уже темнело, срывалось в бешеный галоп.

Первый рисунок был сделан кем-то неопытным и неловким. Не Бергом и не Айви. Это была скорее схема, чем полноценный рисунок, но Свечная башня на ней узнавалась безошибочно. Подпись нашлась на обратной стороне. По-детски старательным почерком было выведено «Свечная башня. Л. Ступин». Фамилия показалась Мирославе смутно знакомой, но прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, что видела ее в архивных подборках газет. Леонид Ступин — тот самый воспитанник Агнии, ради которого Август Берг согласился приехать в Горисветово. Значит, задумка с башней и в самом деле была не мастера Берга, а вот этого юного мальчика? Значит, Разумовский ошибся в своих предположениях? Или не ошибся? Потому что вот второй рисунок, уже куда более техничный и уверенный, с четко прорисованными деталями, с какими-то расчетами на полях. И это точно рука Августа Берга! Рисунок был подписан просто «Горисветовская башня». Чувствовалось, что рисовалась она не с натуры, а, как говорится, «из головы».

На третьем рисунке была клетка. Та самая гигантская клетка. Рисунок был сделан второпях, на клочке бумаги, но с указанием всех размеров. Снизу было

написано все тем же старательным почерком: «Что это такое?» Поскольку набросок сохранился в бумагах, доставшихся ее предку от Августа Берга, можно было сделать вывод, что Берг вел переписку с Леонидом Ступиным.

Четвертый рисунок так же был сделан на клочке бумаги. Черная громада Свечной башни и яркое пламя на смотровой площадке. Пламя с фитилем в виде человеческой фигуры. Наверное, рука Леонида дрогнула, когда он рисовал фигуру, потому что в том месте, где должна находиться голова, была дыра, прорванная острием карандаша. Никакой надписи под этим рисунком не было. Имелась лишь застывшая капля воска в самом углу. Мирослава осторожно поскребла каплю ногтем, понюхала. Запах был тот же — воск и горечь диких трав.

На пятом рисунке снова была Свечная башня, только уже изнутри, только уже с лежащим у подножия лестницы мальчиком. Мирослава вздрогнула, уронила листок. Это был ее рисунок. Она точно знала, что ее, но совсем не помнила, когда его нарисовала. И мальчик на рисунке был Лехой, в этом не было никакого сомнения. Когда-то она умела очень хорошо передавать детали. Значит, Фрост сказал правду, значит, они и в самом деле нашли Леху...

Мирослава ласково погладила мальчика на картинке, вытерла скатившуюся по щеке слезу и потянулась за следующим рисунком. Этот рисунок был самым обычным, хоть и сделанным в какой-то небрежной, истеричной даже манере. Но все равно это была ее рука и ее манера. И нарисовала она портрет дяди Мити. Когда нарисовала — большой вопрос. Дядя Митя смотрел на нее очень внимательно, даже требовательно. Лицо его было искажено то ли страхом, то ли болью, то ли яростью. А может, и тем, и другим, и третьим. Все эмоции

были так очевидны, потому что глаза его не были привычно защищены толстыми стеклами очков. А может, потому, что нарисованный дядя Митя был моложе себя нынешнего. А может, потому, что его плечо сжимала тонкая женская рука с длинными пальцами. Сжимала, впиваясь острыми ногтями в грубую ткань ветровки. Волосы на загривке снова затрещали, а по позвоночнику побежал привычный уже холодок. Мирослава пригладила волосы, поднесла рисунок к глазам. Она прежняя, она маленькая, стерла эту женскую руку ластиком. Стерла в ярости, а может, в страхе, но нажим карандаша был таким сильным, что рука все равно осталась на портрете, только сделалась едва заметной, призрачной. Мирослава отложила этот рисунок к просмотренным и потянулась за следующим.

На нем была нарисована Свечная башня. Этот рисунок был почти точной копией той картинки, что нарисовал Леонид Ступин. Та же рвущаяся в темное небо громада, тот же огонь на смотровой площадке с человеческой фигурой вместо фитиля. Рисунок был сделан в той же порывисто-истеричной манере, что и портрет дяди Мити. Те же размашистые, грубые линии, то же господство черного над белым, но, безусловно, это был ее рисунок. В этом у Мирославы не было никакого сомнения. Это как увидеть собственную подпись...

В папке оставался самый последний листок. Он лежал картинкой вниз, но нажим карандаша был такой силы, что рисунок проступал на бумаге, словно вены на человеческой коже. Мирослава сделала глубокий вдох и, так и не выдохнув, перевернула листок картинкой вверх. Перевернула, отшатнулась и зажала рот руками, чтобы не заорать в голос.

С рисунка на нее смотрела ведьма. Та самая ведьма из ее видений. Вместо кос у нее были змеи, вместо глаз черные дыры, с ее серого рубища стекала вода, а когти-

стыми птичьими лапами она тянулась к той, что посмела нарушить ее многолетний покой, к той, кто посмела с помощью простого карандаша призвать ее в этот мир...

Мирослава не знала, как долго она просидела на полу, прижавшись спиной к стене, обхватив голову руками. Не знала, сколько времени ей понадобилось на то, чтобы прийти в себя. Наверное, много, потому что в себя ее привел лишь настойчивый телефонный звонок. Звонил Всеволод Мстиславович. Шеф желал знать, куда она подевалась в такое сложное для школы время и когда, черт побери, планирует приступить к своим непосредственным обязанностям. У Мирославы хватило выдержки, чтобы пообещать вернуться в самое ближайшее время и оборвать шефа едва ли не на полуслове, а также мужества на то, чтобы собрать с пола рассыпавшиеся листочки, сложить их в папку и запихнуть папку в сумку. Вот только на все остальное сил и решительности уже не хватило. Окружающий мир сделался черно-белым, как ее детские рисунки, словно бы кто-то невидимый только что высосал из него все краски. Из мира — краски, а из самой Мирославы — жизненную энергию.

Если бы не творящийся в Горисветове ужас, она уже сегодня записалась бы на прием к психиатру, но чувство долга гнало ее обратно в школу. Чувство долга и острое желание вспомнить все.

В Горисветове царили хаос и паника. На автостоянке Мирослава обнаружила с десяток дорогих авто, а в холле центрального корпуса толпились возбужденные и взволнованные родители. Наверное, те самые, что решили не забирать своих чадушек после первого

убийства. Тогда решили не забирать, а теперь вдруг одумались. Всеволод Мстиславович был тут же — успокаивал, убеждал, обещал непременно со всем разобраться. Мирославу он встретил полным раздражения взглядом и этим же взглядом дал понять, что вот теперь, на этом критическом этапе, она уже не нужна, что с ней он разберется позже, когда решит более насущные проблемы. Мирославе подумалось, что насущные проблемы стали неразрешимыми уже в тот момент, как появились. Что разбираться с ними нужно было не сегодня и даже не в день самого первого убийства, а много лет назад. Свечная башня стала для этого места своего рода громоотводом. Вот только притягивал этот громоотвод не молнии, а зло. Чистейшее выкристаллизованное зло.

Мирослава не стала оставаться в холле, у нее были дела поважнее. И у нее были вопросы, на которые она рассчитывала получить ответы уже сейчас.

Дядя Митя оказался там, где и должен был быть — в конюшне. Под звуки льющегося из приемника блюза он давал корм лошадям.

— Здравствуй, девочка, — сказал он, не оборачиваясь. И как только узнал о появлении Мирославы?

— Здравствуй, дядя Митя. — Мирослава застыла в дверном проеме, не зная, как правильно поступить. — Мне нужно с тобой поговорить. Найдешь минутку?

— Для тебя, девочка, всегда и сколько угодно! — Дядя Митя погладил Белоснежку по холке, поставил в проходе сумку с овсом и направился к Мирославе. — Решила не принимать участия в том дурдоме? — Он очевидно намекал на визит родителей.

— Отстранили. — Мирослава пожала плечами.

— Почему ты сразу ко мне не пришла? — Дядя Митя вытер руки о джинсы, подошел вплотную. Его лицо, доброе и взволнованное, никак не походило на

то, что она нарисовала тринадцать лет назад. — Бедный парень.

— У меня были кое-какие дела.

Так больно и так страшно подозревать самого близкого, самого родного, считай, единственного оставшегося у нее друга. Больно, но она должна знать правду!

...Они сидели на скамейке возле конюшни, между ними лежала открытая папка с рисунками.

— Где ты это взяла? — спросил дядя Митя, закуривая.

— Дома. Нашла в бабушкиных бумагах.

Он кивнул, глубоко затянулся сигаретой и спросил:

— Так что ты хочешь знать, Мира?

— Я хочу знать, что это за рисунки и почему бабушка их спрятала.

— Я советовал сжечь. — Он выпустил почти идеальное колечко дыма. — Твой лечащий врач тоже.

— Какой врач?

— Психиатр. Ты нарисовала эти картины вскоре после своей... — Он запнулся, а потом решительно продолжил: — Вскоре после своего возвращения.

— С того света?

— Да. Поначалу психиатр посчитал этот метод полезным. Регрессология. Слыхала небось?

Еще бы она не слыхала! Всякий уважающий себя шизик знает, что такое регрессивный гипноз.

— Врач подумал, что вот это всё, — дядя Митя кивнул на рисунки, — поможет тебе.

— Поможет в чем? Вспомнить, что со мной случилось до момента смерти?

— Я бы расширил список. — Он невесело усмехнулся. — До смерти и во время смерти.

— Охренеть! — Мирослава откинулась на спинку скамейки, на мгновение прикрыла глаза. — И что из меня вытянул этот ваш регрессолог-самоучка?

— Сначала вот это. — Дядя Митя взял в руки листок со своим портретом.

— Тебя?..

— Меня. В полиции надеялись, что ты сможешь нарисовать фоторобот своего убийцы, но у тебя ничего не получалось. Ты перестала рисовать, Мира, после того как...

— После того как умерла?

— Да. Психиатр подумал, что образ убийцы можно вытащить из твоего подсознания, погрузив тебя в гипноз. Твоя бабушка была против, но ты настояла.

— Я?

— Да, ты хотела знать, кто тебя...

— Убил.

— Да.

— И я нарисовала тебя?

— Да. — Он снова усмехнулся.

— И что сказал психиатр?

— Психиатр сказал, что твое подсознание выдало не портрет твоего убийцы, а портрет твоего спасителя. Малый временной промежуток, огромный стресс для мозга при переходе «туда-обратно». Так он сказал.

Это было похоже на правду. Нет, это не могло быть ничем, кроме правды! Но оставался еще один вопрос, почему она нарисовала на плече дяди Мити ту страшную руку.

— А это? — Мирослава коснулась рисунка и тут же отдернула руку. — Что это было за твоим плечом? Кто это был?

— Мы долго размышляли над этим. Возможно, так твое подсознание представляло смерть. Могло такое быть? — Дядя Митя посмотрел на Мирославу очень внимательно.

— Наверное. — Она все еще не была ни в чем уверена. — А что я нарисовала дальше, какой рисунок?